

image not found or type unknown

Для современного западного человека понятие демократии стало неотъемлемым атрибутом идентичности. Сегодня вряд ли можно найти какое-то другое понятие, которое было бы более пригодно для разграничения современной западной политической формы от не западных политических систем. Демократия — важный маркер, отделяющий Запад от «остальных» (West and the rest). В свою очередь демократический транзит превратился в важную составляющую перехода в сообщество западных государств. Демократизация — неотъемлемый атрибут модернизации, тесно связанный с успехом перехода к рыночной экономике.

В политической науке эти постулаты стали предметом постоянной дискуссии. А на уровне практической политики их «золотой век» пришелся на период третьей волны демократизации. С третьей волной в основном связывается переход от авторитаризма к демократии посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, который был начат в период перестройки в СССР и стал необратимым после распада Советского Союза. Однако впоследствии третья волна застопорилась на постсоветском пространстве. Отдельным направлением демократического транзита стали попытки демократизации на Большом Ближнем Востоке. Но здесь они сопровождались тяжелыми кризисами государственности. В самом западном мире политические режимы если и не трансформируются в институциональном плане, то встают перед серьезными вызовами, на которые придется искать ответы.

В отличие от начала 1990-х годов демократию сегодня вряд ли можно рассматривать как конечную цель, заветный пункт Б на пути к свободе и прогрессу.

Нелинейность политики заставляет смотреть на политический режим прагматично и подходить к демократии все больше как к средству достижения конкретных результатов, а не как цели и самодовлеющей ценности. Будущее демократии неопределенно, равно как и будущее государства как такового.

На фоне этой неопределенности возникают два крайних соблазна. Первый — соблазн апологии авторитаризма, предпочтения порядка свободе ради достижения заветной стабильности. Второй — биться за демократию до победного конца,

уничтожая оппонентов ради идеи. Очевидно, что оба варианта ведут в тупик. Демократия жива и востребована до тех пор, пока она остается гибкой, адаптивной и открытой системой. Нарушение этого баланса ведет к ее деградации и вырождению — вполне реальная перспектива как на Западе, так и за его пределами.

Однако прежде чем рассуждать о будущем демократии, необходимо определиться с самим понятием. Прежде всего демократия — это набор институтов и правил игры. В теории эти институты делают политику внутри государства конкурентной и подотчетной обществу через механизмы выборов, разделения властей, свободных СМИ и институтов гражданского общества. Современная демократия непосредственно связана с идеей национального государства. В таком государстве источником суверенитета является народ, а институты демократии, насколько это возможно, реализуют это право народа. В момент своего появления в конце XVIII и в XIX веке понятиям национального государства и демократии противопоставлялись понятия абсолютной монархии, деспотии, теократии и любых форм правления, которые исключали народ как участника политики. Собственно, понятие народа или нации как политически равных перед законом граждан также предполагалось концепцией национального государства.

В ценностном плане национальное государство и демократия стали порождением эпохи Просвещения, а впоследствии превратились в политическую форму общества модерна. Базируясь на ценностях свободы и прогресса, такое общество было по своей сути массовым — массовое производство и потребление, массовая культура и, конечно, массовая политика. При этом просвещенческое мышление линейно. Оно предполагает возможность и необходимость достижения идеального состояния институтов, которые были бы максимально рациональными и в рамках которых рациональный индивид достигал бы максимальной свободы и эмансипации от традиционных и религиозных предрассудков.

Однако опыт XX века наглядно показал, что массовая политика и рационализация институтов власти далеко не тождественны демократии.

От имени народа и под лозунгами освобождения создавались чрезвычайно эффективные, рационально устроенные и массовые институты подавления, которые в гораздо большей степени закрепощали индивида в сравнении с любой формой деспотии, существовавшей ранее. Понятия авторитаризма и тоталитаризма означают именно современные формы автократии — массовые,

рационально организованные машины, роль индивида в которых аналогична детали хорошо отлаженного часового механизма. При этом вряд ли найдется авторитарный или тоталитарный режим, который отрицал бы ценности свободы и прогресса, в котором отсутствовали бы формальные институты представительства и который не заявлял бы о своей «народной» природе.

Парадоксальным образом, причиной крушения многих из этих режимов, и в первую очередь, Советского Союза, оказались ограничения рациональности, пределы рационального планирования и устройства сложных и нелинейных экономических и социальных систем. В конце XX века западные демократии оказались эффективнее вовсе не потому, что были устроены более рационально, чем Советский Союз. Как раз наоборот. Вольно или невольно они избегали сверхцентрализованной рациональности, распределяя ее независимым от государства институтам. Более хаотичные и распределенные системы оказались эффективнее. Рациональный надзор за индивидом в них был столь же развит, сколь и в авторитарных обществах, но и он был вынесен за пределы монополии государства. Победа в конкуренции с Советским Союзом сыграла с западной демократией злую шутку. В самих западных странах демократия стала рассматриваться как незыблемый образец. Эту веру укрепляли восточноевропейские страны, которые не без успеха провели политический и экономический транзит, смогли интегрироваться в западные политические структуры. В конечном итоге переход от авторитаризма к демократии стал представляться магистральным направлением мирового политического развития.